

Дискуссии и обсуждения

СЕГМЕНТАЦИЯ В ИСТОРИИ ПЕРВОБЫТНОГО ОБЩЕСТВА

И. Н. Хлопин

Дискуссия о путях перехода от доклассового общества к обществу классовому, развернувшаяся на страницах журнала «Вопросы истории», показала необходимость более глубокого анализа факторов, способствовавших этому переходу. Ряд авторов, выступивших в ходе дискуссии, уже обратили внимание научной общественности на то, что для ранних этапов истории человеческого общества особое значение имели факторы естественного порядка (конкретно речь шла о роли естественно-географической среды). Нам хотелось бы остановиться на влиянии другого фактора естественного же порядка — влиянии роста народонаселения и связанной с ним сегментации. Под последней мы подразумеваем выделение из уже сложившегося социального организма самостоятельной социальной общности — один из основных процессов, обеспечивавших возможность существования человечества в эпоху первобытнообщинного строя. Впервые значение его было отмечено К. Марксом в 1853 году. В то время фактический материал по истории доклассового общества был еще крайне ограничен. Тем не менее даже на этом материале К. Марксу удалось установить чрезвычайно важный факт: «Давление избытка населения на производительные силы заставляло варваров с плоскогорий Азии вторгаться в государства Древнего мира... Чтобы продолжать быть варварами, последние должны были оставаться немногочисленными. То были племена, занимавшиеся скотоводством, охотой и войной (сейчас мы смело можем добавить: и земледелием — И. Х.), и их способ производства требовал обширного пространства для каждого отдельного члена племени... Рост численности у этих племен приводил к тому, что они сокращали друг другу территорию, необходимую для производства. Поэтому избыточное население было вынуждено совершать те полные опасностей великие переселения, которые положили начало образованию народов древней и современной Европы»¹. Затем явление сегментации было выявлено Л. Морганом на материалах этнографических исследований, проведенных среди североамериканских индейцев².

Советские ученые, уделяющие большое внимание исследованию закономерностей развития человеческого общества (в частности, на стадии родовых отношений), отмечая процесс сегментации, до сих пор ограничивались, как правило, лишь иллюстрированием его примерами из области археологии. А. Я. Брюсов, первым из советских археологов

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 8, стр. 568.

² Л. Г. Морган. Древнее общество. Л. 1934, стр. 62.

остановившийся на явлении сегментации в основном в теоретическом плане, пишет о частичном перенаселении, имевшем место в тех или иных областях, повлекшем за собой отлив избыточной части населения³. С. Н. Бибииков, выступивший в печати годом позже, оперирует понятием «сегментация» более широко, хотя и привлекает его для объяснения весьма узкого вопроса о перемещении части населения из южного раннеземледельческого пояса в Юго-Восточную Европу, положившем начало формированию земледельческих культур Восточной Европы, в частности трипольской культуры⁴. Для раскрытия некоторых закономерностей исторического развития на территории, собственно исходной для земледельцев,—землях Переднего Востока и южной кромки Средней Азии,—исследователи также рассматривали процесс сегментации. Так, значительное внимание уделил ему В. М. Массон⁵, подытоживший все существовавшие до него взгляды на этот предмет. По его мнению, расселение племен с присваивающим хозяйством и расселение земледельческо-скотоводческих общин имеют в каждом случае свою специфику; в неолите, как и в верхнем палеолите и мезолите, процесс расселения племен, их сегментация имели первостепенное значение; появление колонистов в какой-либо области, если этому не сопутствовало увеличение производительности труда, вело к перенаселению и вызывало своеобразную цепную реакцию последовательного перемещения племенных групп. Этим явлением В. М. Массон объясняет все переселения и передвижения, которые им фиксируются на Переднем Востоке и в примыкающих к нему областях Средней Азии. Автор настоящих строк касался проблемы сегментации также в основном в прикладном порядке. При ее помощи было объяснено распространение древнеземледельческих коллективов Южной Туркмении по всей освоенной ими зоне; применительно к истории Геоксюрской группы энеолитических поселений было установлено, что на замкнутой территории происходило расселение родовых коллективов, которое привело к сложению более высокой общественной организации — племени⁶. К настоящему времени у историков первобытного общества при помощи археологии накоплен большой фактический материал, анализ и обобщение которого могут позволить перейти от регистрации фактов к теоретическому осмыслению значения такого фактора социальной эволюции первобытного общества, как сегментация.

Для разных периодов истории человеческого общества сущность термина «сегментация» неодинакова. Ниже мы столкнемся с двумя его аспектами. Во-первых, сегментация механическая, или, что то же самое, дробление — механическое разделение коллектива на две примерно равные части, которые не образовывали качественно ничего нового. Во-вторых, сегментация генетическая, или собственно сегментация — отделение от основного (материнского) коллектива определенной, но всегда значительно меньшей группы людей (дочерней), сохранявшей как с материнской группой, так и внутри себя определенные родственные связи между поколениями и внутри их. Забегая вперед, можно сказать, что та же сегментация для античного времени носит совсем другое название, а именно колонизация. Сегментация в виде простого деления существовала как общебиологический закон развития

³ А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М. 1952, стр. 9—18.

⁴ С. Н. Бибииков. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевская на Днестре. «Материалы и исследования по археологии СССР». Вып. 38. 1953, стр. 278.

⁵ В. М. Массон. Средняя Азия и Древний Восток. М.-Л. 1964, стр. 396—401.

⁶ И. Н. Хлопин. Дашлыджи-депе и энеолитические земледельцы Южного Туркменистана. «Труды Южно-Туркменской комплексной археологической экспедиции». Т. X. 1961, стр. 188—190; его же. Некоторые вопросы развития древнейших земледельцев. «Исследования по археологии СССР». Сборник статей. Л. 1961, стр. 52—54.

и в первобытной орде с самых ранних этапов ее развития, но сегментация социальная, в результате которой увеличивалось количество не людей, а социальных организмов, объединяющих этих людей, могла возникнуть только тогда, когда возник первый такой общественный организм, который мог делиться, то есть род. Время возникновения рода датируется эпохой верхнего палеолита; ему предшествовала орда с ограниченным промискуитетом (неупорядоченные брачные отношения)⁷, но она являлась еще не социальным организмом в полном смысле слова, а скорее биологическим конгломератом. Следовательно, для лучшего понимания внутренней сущности процесса сегментации прежде всего нужно остановиться на рассмотрении рода как особого, сложного и непрерывно развивающегося и изменяющегося социального организма.

Род в своем историческом развитии от возникновения до разложения прошел две основные качественно различные стадии, которые были обусловлены типом хозяйственной деятельности составляющих его индивидуумов. На стадии присваивающего хозяйства, вплоть до эпохи неолита, род представлял собой экзогамный коллектив кровных родственников по женской линии, ведущий свое происхождение от одной матери-прародительницы (или тотема) и связанный общественным производством. Первоначальные роды были объединены в двойные (дуально-родовые) системы, и иначе не могло быть в силу сущности родовой организации общества⁸. Подобно тому, как все раннее человечество было разбито на бесчисленное множество дуальных систем, так и каждый род, взятый сам по себе, заключал в себе некую двойственность. С одной стороны, это был производственный коллектив со строгой экзогамией, то есть с запрещением браков внутри рода. С другой стороны, род представлял собой половину брачной организации, дуальной брачной системы, и с самого начала все мужчины этой половины могли быть потенциальными мужьями всех женщин другой половины, то есть другого рода, и наоборот. Определенные естественногеографические зоны земли были населены множеством одинаковых по своей сущности дуально-родовых систем, которые вели бродячий или полубродячий образ жизни, как того требовала их экономика — охота и собирательство. Каждый род был связан с себе подобным производственным коллективом брачными отношениями, но отношения эти еще не являлись чем-то прочным: двоичная система родов была сравнительно легко расторгима. Однако при смене взаимобрачающихся коллективов суть ее оставалась неизменной — строгая экзогамия, когда для брачных отношений годился любой другой род, который можно было встретить на своем пути. Такие роды в силу обстоятельств могли быть только матриархальными⁹, а браки в них — только дислокальными (когда муж и жена жили каждый со своим родом)¹⁰. Дислокальность браков, в свою очередь, отрицательно влияла на темпы развития производительных сил, так как мужчина, сохранявший принадлежность к своему роду, мог быть мужем практически любой женщины из другого рода; в своей производственной деятельно-

⁷ Ю. И. Семенов. Как возникло человечество. М. 1966, стр. 314, сл.

⁸ W. H. Rivers. On the Origin of the Classificatory System of Relationship. Oxford. 1907; e jus d. Kinship and Social Organisation. L. 1914; А. М. Золотарев. Происхождение экзогамии. «Известия» Государственной академии истории материальной культуры. Т. X, вып. 2—4. 1931, стр. 64—78; С. П. Толстов. Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен. «Проблемы истории доклассового общества». Вып. 9—10. 1935; Ю. И. Семенов. Указ. соч., стр. 509—511 (см. там же историю вопроса).

⁹ «Средняя Азия в эпоху камня и бронзы». М.-Л. 1966, стр. 115.

¹⁰ См. В. И. Равдоникас. История первобытного общества. Т. II. М. 1947, стр. 61—64; см. также Ю. И. Семенов. Указ. соч., стр. 512 (см. там же литературу вопроса).

сти он обеспечивал продуктами питания свой коллектив, но не род своих жен. Коллективность жен и отсутствие сознания своего отцовства снижали стимул для приложения усилий мужской части рода к интенсификации производства.

Охарактеризованный род в силу естественнобиологических причин возрастал численно (хотя довольно медленно), и вследствие этого наступал момент неизбежного дробления, вызванного давлением избыточного населения на производительные силы. Именно дробления, поскольку термин «сегментация» по своей сущности еще не подходил к тому социальному явлению, о котором идет речь. И в результате этого дробления прежде единый производственный коллектив разделялся на две примерно равные части, подобно механическому делению клеток живой материи. Составлявшие род люди попросту делились на две группы и расходились; родство таких групп не фиксировалось надолго в сознании индивидуумов, поскольку при дислокальности брака оно еще осознавалось не в полной степени. Вместо одного рода становилось два, вместо одной дуально-брачной системы возникало две. Новые роды, в которых еще невозможно было определить, какой из них является материнским, а какой дочерним, были равнозначными и продолжали вести прежний образ жизни, прежнюю форму хозяйства, по-прежнему оставались экзогамными и образовывали непрочные дуально-брачные организации. Сегментация, проявлявшаяся в своей ранней форме в виде дробления, как мы видим, не приводила к каким-либо качественным социальным сдвигам. Кроме того, она протекала стихийно и практически непрерывно, напоминая в своей хаотичности молекулярное движение, поскольку на обширной территории, объединенной сходными естественногеографическими условиями, находилось большое количество сравнительно малочисленных родовых организмов. Иначе говоря, если рассматривать эту территорию в качестве целого, то все отдельно взятые дробления сливались практически в непрерывный процесс со сравнительно небольшими интервалами между каждым дроблением разных родов. Такое расчленение хозяйственного коллектива мы, как уже говорилось, назвали механической сегментацией, так как она способствовала только механическому увеличению количества брачных дуально-родовых организаций, распространившихся по поверхности земли и осваивавших пригодные для жизни места.

Постепенное увеличение плотности населения в определенных местах земли (конкретно речь идет о территории ближневосточного очага земледелия) стало приводить к неосознаваемой необходимости поисков более надежных, чем охота и собирательство, источников питания, более производительных методов труда и в первую очередь способов добывания пищи. Передовые в эволюционном смысле отряды человечества оказывались, таким образом, на грани неолитической революции, которая совершается с точки зрения исторического развития человечества сравнительно быстро, а с точки зрения времени жизни одного поколения — крайне медленно, так как захватывает сотни поколений. В результате неолитической революции произошло изменение экономической основы общества, что с неизбежностью повлекло за собой изменение его социальной структуры, а значит, и всех особенностей его развития. Во-первых, род стал оседлым. Недвижимость основного источника питания — возделываемой земли — привела к возникновению долговременных поселений, которые складывались уже не там, где были естественные жилища в виде пещер или гrotов, а там, где были условия для занятия земледелием. Во-вторых, более постоянная обеспеченность продуктами питания в сочетании с прочной оседлостью создавала значительное повышение материального

уровня жизни рода по сравнению с эпохой присваивающего хозяйства. Это не могло не привести к увеличению рождаемости, продлению лет жизни, относительноному сокращению смертности, следовательно, к общему увеличению численности и, главное, плотности населения тех областей, где произошла замена присвоения производством пищи. Более того, численность населения в целом и каждого рода в отдельности не просто росла, но росла интенсифицированно, вследствие чего каждое последующее поколение отличалось от каждого предыдущего большей численностью. В-третьих, роды переходили к производящему хозяйству и связанной с ним прочной оседлости не в индивидуальном порядке, а в системе дуально-брачных организаций на большей естественногеографической территории. Это приводило к укреплению каждой такой системы, так как уменьшалась возможность смены взаимобрачающихся половин: дуально-брачная система каждой пары родов становилась прочнее и постояннее, а браки между такими коллективами превращались в традиционные из поколения в поколение. Строительная техника того времени не позволяла строить общеродовые жилища без каких-либо перегородок. В силу этого единый по своей сущности производственный коллектив вынужден был, как мы полагаем, внутри себя подразделиться на более мелкие звенья по самому естественному признаку сожителства, что усилило возникшее в брачных отношениях противоречие: укрепление межродовых брачных отношений при внутреннем дроблении рода.

Установление прочной оседлости и переход к унилокальности брака не только привели к выделению внутривидовых матриархальных семей, но и коренным образом отразились на прежней сущности рода. Изменение это заключалось в том, что с унилокальностью брака положение мужчины стало двойственным. С одной стороны, мужчина получал «постоянную прописку» в роде жены и действительно жил там; с другой — он принадлежал по-прежнему к своему роду и для рода жены оставался чужаком. Эта двойственность и привела к тому, что в одном поселении наряду с сородичами появилось определенное количество чужаков и тем самым был нарушен основной принцип родовой организации — генетическое родство членов коллектива. Род, по сути дела, начал превращаться в родовую общину, основное ядро которой (и большинство) составляют сородичи внутри поколений и между поколениями, хотя наряду с ними живет определенное количество мужчин-чужаков, принадлежащих к другому роду, работающих на данный род, но дети которых считаются членами рода матери, а не отца. Однако при всем этом было бы неверно такой род именовать родовой общиной, которая в этом случае была явлением скорее номинальным, ибо количество «инородцев» в ней было незначительным и они к тому же не были в каком-либо зависимом, неравноправном или угнетенном состоянии. Мы имеем полное право употреблять по-прежнему термин «род» по отношению к этой измененной родовой социальной организации, так как существуют понятия «род жены» и «род мужа».

Перечисленные изменения сущности как рода — социального организма, так и дуально-родовой организации с неизбежностью повлекли за собой изменение сущности процесса сегментации и привели к совершенно новым общественным явлениям и связанным с ними последствиям¹¹. Новая, производящая экономика и вызванный ею оседлый образ жизни дуально-брачных систем воздвигли определенные препят-

¹¹ Поскольку, с одной стороны, на земле не сохранилось ни одного общества, по своему уровню близкого (или подобного) сегментирующемуся родовому обществу с ранней производящей экономикой, и, с другой — все эти процессы протекали на весьма отдаленных ступенях истории человечества, наши построения о ранних генетических сегментациях носят в значительной степени характер научной гипотезы и не могут быть подкреплены ссылками на конкретные этнографические материалы.

ствия для территориального расхождения выделившихся коллективов. Занятие земледелием требовало, чтобы новообразованный коллектив продолжал свое существование в привычных для него природных условиях, а такие условия почти всегда можно было найти поблизости от прежнего места жительства. Таким образом, на пригодной для земледелия территории явление относительной перенаселенности наступало скорее, чем в других местах, пригодных, например, для преимущественного занятия скотоводством, которое, как известно, было связано с кочевым образом жизни.

Возрастание численности каждого родового коллектива, а значит, и всего населения на определенных замкнутых территориях, должно было приводить к значительному убыстрению «созревания» для сегментации каждого производственного коллектива. Время между двумя сегментациями по тем же причинам должно было сильно сократиться. Однако ничего такого на самом деле не произошло; даже наоборот, сегментации стали, как мы полагаем, не только реже, но и обрели определенную систему, приведшую к прекращению их хаотичности и к стихийному приурочению ряда сегментаций к определенному общему, сравнительно небольшому отрезку времени. Как было сказано выше, к производящей экономике переходили не разрозненные роды какой-то определенной естественногеографической области, а практически все население этой области. Это как бы подводило своеобразную итоговую черту под всей предшествовавшей эволюцией социальных организаций с присваивающей экономикой и поставило тем самым все родовые коллективы в одинаковые «стартовые» условия для последующего экономического и общественного развития двоичных систем брачно-родовых организаций в их новом качестве родов с производящей экономикой. Все это привело не только к сложению, но и к закреплению производственно-географических зон, которые в ходе дальнейшего исторического процесса развивались неравномерно по отношению друг к другу, но строго единообразно внутри своих границ. Особенно очевидно это стало, когда выявились те зоны, где первыми сложились ранние государства, сосуществовавшие с зонами, заселенными первобытнообщинными родовыми коллективами¹².

Переход к производящей экономике, как уже отмечалось, привел к укреплению как межродовых, так и внутриродовых брачных отношений, что выразилось в локализации брака и образовании внутри родов матриархальных семей. Номинально сохраняя свою прежнюю родовую принадлежность, мужчина фактически переходил в род жены, и теперь все усилия мужчины были направлены на создание благополучия уже в своем доме, что не могло не способствовать развитию производительных сил общества. Это выразилось в основном в выявлении скрытых возможностей новых форм хозяйства и образа жизни; производство стало развиваться уже не только экстенсивно, как прежде, но преимущественно интенсивно. Интенсификация общественного производства, в свою очередь, повлекла за собой возможность более длительного сохранения рода в первоначальных рамках. Он по-прежнему численно возрастал, но неизбежной сегментации противостояли, во-первых, производство большего количества материальных благ (в том числе пищи), получаемых с прежних земельных угодий, во-вторых, укрепившиеся за счет образования семей внутриродовые связи и оседлый образ жизни. А когда все-таки родовые коллективы не могли обеспечить пищей возросшее население, ибо темпы увеличения последнего значительно опережали темпы роста производительных сил, эти коллективы оказывались перед необходимостью сегментации для сохранения первобытнообщинного способа производства. При этом наблюдалось весьма

¹² См. В. М. Массон. Указ. соч., стр. 450—452.

примечательное и очень существенное явление: на пороге первой общественной сегментации оказались не отдельные роды, населявшие данную область, а все ее население.

Укрепление стабильности дуально-брачной организации родового общества привело к тому, что стало возможным точно определить материнский и дочерний роды. На смену механическому отделению какого-то числа мужчин и женщин пришло выделение семей, члены которых были связаны кровным родством по материнской линии как по «горизонтали», так и по «вертикали» (то есть внутри поколений и между поколениями). Отделившуюся таким образом часть рода, состоящую не из отдельных людей, а из семей, можно с полным основанием считать именно дочерним родом. При этом родственные связи становились настолько прочными, что не прекращались, а лишь видоизменялись при расхождении двух коллективов людей на значительные расстояния в пределах одной и той же естественногеографической области. Сохранение родственных отношений между самостоятельными и полностью обособленными в хозяйственном отношении производственными коллективами людей способствовало возникновению принципиально новой, более сложной и совершенной общественной организации — племени. Этому же служило и распространение дочерних родовых коллективов на определенной территории. Если дочерний род по каким-либо причинам оказывался удаленным на значительно большее расстояние, чем способна выдержать междуродовая связь, родственные и хозяйственные связи обрывались и сложение племенной общности не происходило. Вот почему процесс сегментации на стадии производящего хозяйства в отличие от присваивающего мы определили выше как генетический: дальнейшее сохранение родственных связей становилось теперь одним из решающих факторов для перехода человеческого общества к более совершенной организации общества — племени.

Первая общественная сегментация выступает как существенный фактор сложения племенных общественных отношений. Мы можем довольно точно фиксировать этот процесс во времени: племя формируется не ранее той эпохи, которую по принятой археологической терминологии называют энеолитом. Однако о сохранении внутри родов матриархальных семей с их институтами можно говорить, лишь имея в виду, что социальное и семейное развитие общества непрерывно, а сохранение это относительно. Так со стабилизацией брачных отношений отдельных индивидов в рамках дуально-родовой организации выделялись более дробные составные части рода — матриархальные семьи. С их появлением дети наряду с безусловным сохранением родовой принадлежности получили еще одну качественно новую характеристику — семейную принадлежность (первоначально никак не выраженную и чисто номинальную). С этого момента в недрах первобытного общества появляется росток нового института — института наследования, призванного на базе первоначально семейной, а затем и личной собственности сыграть в будущем немаловажную роль в разрушении родового строя в целом.

Итак, в результате социальной эволюции появилась новая категория — племя, и с ней общество поднялось на более высокую ступень своей организации. Что же представляет собой этот институт, принципиально отличный от всех предшествовавших? Основные его характеристики, охватывающие разные сферы, суть следующие. Во-первых, осознание всеми членами племени своих родственных связей, вытекающих из факта первоначальной общности происхождения, что составляло духовную основу племенного единства. Во-вторых, распространение (в результате сегментации) родственных родовых коллективов на определенной замкнутой территории, что приводило к ее сплошному освоению и к осознанию ее как неделимой племенной территории, к осознанию

того факта, что все соплеменники населяют одну, с точки зрения человека того времени, страну. В-третьих, сегментация в рамках дуально-брачной системы приводила к сложению на ее основе фратриальной системы брачных отношений. К неизменной родовой экзогамии, без которой невозможно само существование родового строя, прибавлялась не менее строгая племенная эндогамия (невступление в брак с лицами вне племени) — одно из существенных свойств племени. Каждый род, составлявший половину дуальной системы, при сегментации создавал определенное количество дочерних родов, которые в отношениях друг с другом должны были, по всей вероятности, продолжать придерживаться традиционных экзогамных отношений. Из каждой такой половины образовывалась система экзогамных родов, на более высокой ступени общественных отношений обычно называемая фратрией. Две фратрии, пришедшие на смену дуально-брачной организации, могли возникнуть только с образованием племени, и, с нашей точки зрения, их следует считать неотъемлемой принадлежностью племенного строя. Наконец, в отличие от рода, обладавшего собственностью на средства производства, следует отметить отсутствие таковой у племени. Исключение составляла в этом отношении лишь племенная территория и все, что находилось на ней и в ее недрах, а это не только обрабатываемые участки земли отдельных родов, не только выпасы для родовых стад, родовые охотничьи и рыболовные угодья, но вся совокупность земель в определенных границах. Конечно, племенная территория — вся страна в понимании того времени — не являлась собственностью в современном смысле слова, а была скорее атрибутом, свойством и средой существования племени как социального организма.

Внутри племенной организации можно выделить две формы связей, расположенных в двух различных сферах (отметим тут же, что эти связи существовали и в дуально-родовой организации, но были там двуедины из-за своей неразвитости). Первая форма связи относится к племени в целом, а основой этой связи и ее выражением является единство племенной территории, «племенной страны». Она, как и осознание соплеменниками общности своего происхождения, удерживает в едином сообществе входящие в племя роды. Вторая форма связи относится к семейно-брачной сфере, поскольку ко времени сложения племени роды уже разделены на семьи; но прежде, дуально-родовая брачная связь, как мы отметили выше, после первой общественной сегментации превращается в более сложную, дуально-фратриальную, с помощью которой внутривидовые семьи образуют систему, составляющую племя. Формы дуально-фратриальных связей могли быть различными, более простыми и более сложными, но разбор их не входит в нашу задачу. Можно лишь отметить, что, по-видимому, причину этого разнообразия надо искать в количестве входивших в каждую фратрию первоначальных дочерних родов, между которыми в стихийно-историческом процессе устанавливалась определенная система брачных связей (но не индивидуальных, а родовых). Иными словами, основные связи, обеспечивавшие племенное единство, относились, с нашей точки зрения, еще не столько к сфере общественного производства, сколько к сферам общественной организации и общественного сознания. Мы полагаем, что именно здесь следует искать истоки двойственной сущности племени как социальной и в то же время кровнородственной общности.

Первоначальные роды в силу своей специфики были матриархальными: руководство хозяйственной деятельностью коллектива находилось в руках женщин, счет родства велся по женской линии и т. д. С переходом к производящему хозяйству род продолжал оставаться матриархальным, возникшие в результате унилокальности брака семьи также строились по этому принципу. По мере развития производства

и производительных сил роль мужского труда в производственном процессе увеличивалась в каждом роде, не изменяя его первоначальной сущности. Лишь с момента сложения института племени роль его мужской части, свободной от процесса рождения и частично воспитания детей, качественно изменяется: мужчина становится во главе племени, преимущественно из мужчин состоит совет старейшин — эта древняя демократическая организация человеческого общества на уровне племени¹³. Складывалось противоречивое положение: управление делами племени сосредоточивалось в руках мужчин, а управление родом как социальным организмом оставалось в руках женщин. Сложение племенной организации требовало перехода к патриархальному роду.

Итак, первая общественная сегментация способствовала формированию более высокой и сложной общественной организации — племенной. Относительное перенаселение, которое являлось результатом несоответствия темпов прироста населения темпам развития производительных сил, было на определенный срок ликвидировано. Наступил длительный процесс эволюции племенного строя, в течение которого развивались свойственные племени институты, происходила смена матриархальных родовых отношений патриархальными, появилась имущественная дифференциация, человеческое общество в целом поднялось на более высокую ступень производственного, социального и культурного развития. Несмотря на то, что на первоначальном его этапе не отмечается связанных с приростом населения последствий, этот рост происходил неуклонно, вызывая новую угрозу относительного перенаселения: по-прежнему производительные силы по темпам своего развития существенно отставали от темпов прироста населения. В недрах племени складывались условия для второй общественной сегментации.

Многие исследователи родового и раннеклассового общества склонны видеть в имущественной дифференциации едва ли не единственную движущую силу процесса разложения первобытнообщинного способа производства, разрушения родоплеменных социальных отношений и образования классов и ранних государств. Действительно, имущественная дифференциация сыграла значительную роль при переходе к классовому обществу, тем не менее нельзя приписывать ей всеопределяющий характер в этом процессе. В самом деле, по мере приближения первобытнообщинного строя к этапу своего разложения в его недрах происходила все большая имущественная дифференциация, но она имела совершенно конкретный характер. Поскольку все средства производства, за исключением земли, были родовой, а не племенной собственностью, то и продукты потребления, произведенные с их помощью, принадлежали не племени, а роду. Имущественная дифференциация по этой причине могла возникнуть только в роде, среди составлявших род патриархальных семей. Наряду с внутриродовой дифференциацией, выражавшей имущественную разницу между отдельными семьями, существовал и другой вид дифференциации — в более высокой сфере организации общества, которую мы назовем межродовой. Поскольку каждый род развивался веками в строго определенных территориальных границах, эксплуатируя разные по своим качествам уголья, постольку естественное географическое окружение создавало разные условия для развития каждого родового социального организма в целом, и эти условия, независимо от того, хороши они были или плохи, делались традиционными и практически неизменными для живших там людей. Численность рода, состав его семей, количество и качество обрабатываемой земли, величина и плодовитость родовых стад, наконец, индивидуальные способности членов того или иного рода — все это и мно-

¹³ И. П. Хлопкин. Геоксюрская группа поселений эпохи энеолита. М.-Л. 1964, стр. 146—148.

гое другое приводило к неравномерности развития производительных сил в родах даже одного и того же племени, к выраженной специализации хозяйства в сторону либо земледелия, либо скотоводства, к большей или меньшей силе и жизнеспособности одного рода по сравнению с другим. Материальное или производственное неравенство родов при однозначной социальной организации поначалу не имело существенного значения, но оно становилось решающей силой, едва ли не основным фактором при разложении первобытного общества.

Вторая общественная сегментация, вызванная противоречием между уровнем развития производительных сил и количеством и плотностью населения определенной группы племен, в отношении своего механизма повторяла первую, но протекала в условиях более высокого уровня общественной организации людей. Основную особенность этой сегментации составляло то, что в отличие от первой общественной сегментации, выделявшей из рода группы семей, которые образовывали новый, дочерний род, теперь, в результате сегментации племени, дочерним организмом выступал уже целый род, причем род патриархальный, состоявший из патриархальных же семей. Рассмотрим отдельно детали механизма такой сегментации. В том случае, если естественно-географические условия позволяли тому или иному племени исторгнуть из своих недр ставший «лишним» род, такой род должен был отодвигаться на определенное расстояние от мест своего первоначального обитания (кстати, значительно большее, чем то, на которое отодвигался дочерний род при первой общественной сегментации). Поскольку, однако, сегментация второго типа протекала одновременно на значительной территории, населенной многими племенами, иногда оказывалось, что все пригодные для земледелия места были давно и прочно заняты другими родами. Отторжению подлежали роды, условия существования которых оказывались худшими. Ограниченность обрабатываемых ими земель порождала относительную перенаселенность даже при небольшой абсолютной численности населения и привела к тому, что в первоначально нерасчлененном хозяйстве таких родов уже вскоре после первой общественной сегментации стали пересиливать скотоводческие тенденции.

К моменту второй общественной сегментации в едином сообществе родов, в племени, складывалось весьма сложное положение. С одной стороны, ни один из родов не хотел добровольно покидать насиженные веками земли, тем более, что необходимость ухода не всегда вызывалась природными факторами — засухой, недостатком воды, засолением почв, мором скота, эпидемиями и т. д. С другой стороны, межродовая дифференциация приводила подчас к тому, что племенные отдельные родов начинали становиться врагами. Боязнь за свое имущество или попытки приобрести чужое имущество приводили к прежде неизвестному внутри племенного сообщества явлению — к вооружению. Всеобщее вооружение, постоянная готовность к военным столкновениям, появление института грабежа, при помощи которого приобрести богатство оказывалось легче, чем создать его, и все это в условиях резкой внутривидовой имущественной и межродовой производственной дифференциации — такова была обстановка накануне второй общественной сегментации. Перечисленный комплекс явлений принято называть известным термином — «военная демократия». В противополоственных для прежнего родоплеменного быта условиях военной демократии (которую мы рассматриваем здесь в качестве инструмента для подведения конкретного общества ко второй общественной сегментации и ее проведения) о добровольном оставлении насиженных мест тем или иным родовым коллективом не могло быть и речи. Более сильные и жизненные роды, на наш взгляд, с преимущественно

земледельческим уклоном общественного производства использовали насилие по отношению к своим более слабым соплеменникам. Последние вели, как нам представляется, преимущественно скотоводческое хозяйство и благодаря этому оказывались как бы подготовленными к переходу на исключительно скотоводческий путь развития.

Исторгнутый род, с одной стороны, получал лучшие условия для новой, скотоводческой экономики, которая на больших степных просторах стала давать возросший прибавочный продукт. С другой стороны, этот же род, вследствие полного перехода к новой экономике, уже не мог быть численно таким же большим, как при занятии земледелием. В результате происходило дробление рода на более мелкие, скотоводческие роды, продолжавшие оставаться в известных рамках родственных отношений между собой. Таким образом первоначальный земледельческо-скотоводческий род превращался в скотоводческое племя. Это новообразованное племя в первую очередь в силу присущих ему форм хозяйственной деятельности, требовавшей больших земельных пространств, stanovилось с течением времени антагонистом по отношению к своим бывшим соплеменникам, оставшимся земледельцами. Вместе с тем в масштабе всего человеческого общества, взятого в целом, хозяйство по-прежнему оставалось синкретичным. Произошло то, о чем более 80 лет назад писал Ф. Энгельс: «Пастушеские племена выделились из остальной массы варваров: это было *первое крупное общественное разделение труда*»¹⁴. Такое разделение могло произойти лишь в определенных исторически сложившихся естественного-географических зонах.

Проследим дальнейшие исторические судьбы отторгнутых родов и оставшихся на старом месте племен. Отторгнутые роды стали вскоре, по терминологии Ф. Энгельса, пастушескими племенами, а затем превратились в ранних кочевников, история которых относительно хорошо известна. Сложнее обстояло дело с земледельческими племенами, первоначальная целостность которых была нарушена происшедшей сегментацией. Они остались на своих прежних территориях, но разрушение племенных оболочек постепенно приводило к образованию более совершенной и высокоорганизованной этнической общности — народности. Политическая организация народности не могла быть иной, чем государство, но и в нем оставшиеся роды сохраняли значительную часть своего первобытного демократизма, выражавшегося в участии всех родов в управлении государством через своих представителей, а также в деятельности народного собрания, выборности и сменяемости всех без исключения должностных лиц, отсутствии деления общества на выраженные антагонистические классы, наличии номинально свободных сельских общинников в качестве основных производителей, отсутствии неограниченной деспотической власти, мирных тенденциях в отношениях с соседями. В том случае, если поблизости от сегментирующего племени не было свободных пространств для отлива избыточного населения, сегментация протекала по иным законам и приводила вследствие этого к иным результатам. Собственно, это была уже не сегментация, это был процесс, направленный на ликвидацию угрозы гибели общества, возникшей из-за того же несоответствия темпов возрастания населения и развития производительных сил. Поскольку ко времени назревания необходимости проведения второй общественной сегментации повсеместно наблюдалась более или менее значительная имущественная дифференциация, здесь возникал новый процесс, направленный уже не вне племени, а вовнутрь его: закреплялось неравенство, при котором сравнительно незначительная часть общества продолжала и в дальнейшем пользоваться всеми его благами и достижениями, а все остальное население получало только прожиточный мини-

¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 21, стр. 160.

мум. Стихийно возникавшее противодействие этому неравенству вызывало необходимость в институте, способном обуздать это сопротивление, каковым и стало раннеклассовое государство.

Напомним, что при сегментации на уровне рода, с одной стороны, выделялись группы семей, становившиеся дочерними родами, а с другой — эти роды образовывали принципиально новый общественный организм — племя. Аналогичное явление мы наблюдаем и при второй общественной сегментации: выделившийся род и теперь становился племенем. Но в то же время самый факт сегментации разрушал одну из основ племени — целостность и непорушаемость племенной территории — и вместе с тем приводил к сложению у оставшихся племен более высокой организации — народности. Так проявлялась вторая черта сегментации — складывание в ее результате более высокой социальной организации. Эта форма второй общественной сегментации также привела к сложению государства, но вместо того, чтобы быть вытесненным из своих прежних пределов, какое-то количество избыточного населения перешло в категорию подчиненного и постепенно лишавшегося элементарных прав. Эпоха военной демократии для обществ такого рода отличалась большой жестокостью, выделением военных вождей, затяжными военными столкновениями «на уничтожение», ранним формированием профессиональных военных отрядов. Поскольку избыточное население оказалось не исторгнутым, а подчиненным и лишенным прав, вчерашний свободный общинник практически стал зависимым лицом, первобытный демократизм постепению был вытравлен из сознания общества, сохраняясь лишь в мифе о золотом веке. Стихийно-исторически складывалось государство с деспотической формой правления. Под таким мы, в частности, подразумеваем государство, где существовало резкое членение общества на антагонистические классы, когда большинство составляли зависимые лица, в том числе рабы, а меньшинство — знать; отсутствовали демократические институты выше родового уровня (да и в роде и семье они сводились к минимуму); была неограниченной власть царя и власть жречества (идеологического деспота), причем нередко обе сосредоточивались в одних руках; наличие постоянно профессиональной армии и агрессивная политика вели к неизбежным и частым военным столкновениям с соседями.

Все раннее развитие человеческого общества, обладавшего двойной — социальной и биологической — сущностью, и протекало по двум линиям — социальной и биологической. Первую линию обуславливал прогресс производства, производительных сил и производственных отношений. Вторая линия определялась законами развития народонаселения, которые, по словам К. Маркса, были особыми для каждого исторического способа производства, то есть для каждой общественно-экономической формации¹⁵. Сфера действия этих законов начиналась с брачной организации двух индивидуумов, а кончалась высшей формой социально-брачной организации определенной общественно-экономической формации. Основоположники исторического материализма указывали, что эти линии не существуют порознь, а составляют целостное двуединство, соотношение частей которого носит разный характер при разных формациях; только их слитным и непрерывным действием обусловлен поступательный ход исторического процесса. К сожалению, мы не всегда помним об этой диалектической двойственности и подчас забываем о том, что ни одна из этих линий не может развиваться сама по себе, без участия человека, без постоянной эволюции человеческого общества в биологической сфере. Между тем эти две линии находятся по отношению друг к другу в постоянном дви-

¹⁵ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 23, стр. 645—646.

женщи; уровень, достигнутый то одной, то другой, постоянно вырывается вперед и тем самым подтягивает к себе отстающий. Производство приводит к непрерывному повышению материального уровня жизни людей, способствуя увеличению численности населения в определенной области; увеличение численности населения ведет к возрастанию его плотности, что уменьшает количество продуктов потребления на душу населения и вызывает необходимость дальнейшего совершенствования производства и увеличения его продукции. Невозможность решить назревший конфликт «мирным путем» приводила в условиях первобытно-общинного строя к сегментации, становившейся важным условием смены одной общественно-экономической формации другой.

«Итак, производство есть непосредственно потребление, потребление есть непосредственно производство. Каждое непосредственно является своей противоположностью. Однако в то же время между обоими имеет место опосредствующее движение. Производство опосредствует потребление, для которого оно создает материал, без чего у потребления отсутствовал бы предмет. Однако и потребление опосредствует производство, ибо только оно создает для продуктов субъекта, для которого они и являются продуктами»¹⁶. Эти слова были сказаны К. Марксом не по поводу первобытнообщинного способа производства, но имеют к нему непосредственное отношение. Уровень народонаселения, его количественный и качественный (плотность) показатель как раз и определяют развитие производства, являясь выражением фактора потребления при первобытнообщинной формации. Введение такого понятия, как общественная сегментация, вскрытие ее сущности и механизма способствуют, как нам кажется, упорядочению тех категорий, которыми до сих пор пользовались для характеристики практически любой стадии развития общества периода первобытнообщинного строя. С введением этого понятия становится ясным, что когда, например, речь идет об эпохе верхнего палеолита, то нельзя оперировать понятием «племя», поскольку его еще не существовало. Вносится определенное упорядочение и в понятие «род», создается возможность его дифференциации. Так, мы считаем возможным выдвинуть тезис о том, что в течение всего первобытнообщинного периода существовали три разновидности этой социальной организации. Род первого порядка возникает при антропогенезе — становлении человека и человеческого общества; этот род матриархален, а в период его господства и развития в его недрах происходит переход от дислокального брака к унилокальному; в его недрах образуются матриархальные семьи. Род второго порядка (собственно, родовая община) возникает при первой общественной сегментации; на его основе создается племя как социальная организация; в период его эволюции, практически в период господства в обществе племенных связей как наивысших по своей организации, происходит переход от матриархальных отношений к патриархальным, вследствие чего возникают и развиваются имущественная внутриродовая и производственная межродовая дифференциации. Наконец, род третьего порядка возникает при второй общественной сегментации, а на его основе складываются скотоводческие племена; этот род, образовавшийся при распаде выделившегося рода, уже не только полностью патриархален, но и состоит из патриархальных семей. Роды третьего порядка очень устойчивы и фактически доходят до нашего времени, пережив не только эпоху рабства, которое в их среде в развитии виде и не существовало, но порой и период феодализма.

¹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 12, стр. 717.